

Отзыв

официального оппонента на диссертационную работу
Марии Владимировны Дуровой на тему «Модели бытийно-пространственных элементарных простых предложений в японском языке (в сопоставлении с языками народов Сибири)», представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

Как следует из названия представленной диссертационной работы, она включает вопросы частного языкознания, и расширение их до выводов, имеющих отношение к вопросам общего языкознания. Нужно отметить, что название это в полной мере отражает содержание диссертации М.В.Дуровой.

Структура работы – Введение, первая глава, определяющая теоретические принципы исследования, вторая, собственно исследовательская глава, Заключение, Список использованной литературы, Список источников и три Приложения – традиционны с точки зрения построения диссертации вообще и разработки темы в частности. Они определенно отвечают тем требованиям, которые к ним предъявляются.

Цель работы определена как необходимость решения двух задач. Первая – выделить и систематизировать пространственные модели японского языка, описывающие то множество предложений с глагольным сказуемым, в которых выражаются пространственные отношения. Вторая – сопоставить полученные данные с данными по пространственным же моделям в языках, которые в работе объединяются или по ареальному признаку – языки народов Сибири, или по признаку с характеристикой родства – урало-алтайские (алтайские) языки.

Описание бытийно-пространственных предложений японского языка в специфической терминологии моделей предпринято впервые, сопоставление названных моделей с подобными моделями гипотетически родственных языков ранее не проводилось, поэтому настоящее исследование, безусловно, отвечает требованию новизны. Очевидна и актуальность разрабатываемой тематики. Пополнение сведений и знаний о семантических свойствах синтаксических структур японского языка значимо само по себе, а выводы сопоставительного анализа позволяют существенно расширить рамки типологии синтаксических структур, рассматриваемых в единстве плана выражения и плана содержания. Замечу, что эти результаты могут послужить основой для формулирования утверждений, имеющих характер лингвистических универсалий, на что, собственно, и направлены типологические исследования.

Теоретической базой исследования, как это сообщается в работе, являются концепции функциональной грамматики, структурного, семантического и коммуникативного синтаксиса. Они разработаны в авторитетных, имеющих широкий резонанс в научном мире трудах отечественных и зарубежных ученых. Использование этих теорий потребовало от автора не просто знакомства, но и умения критически усвоить, сопоставить, объединить, выбрать, приложить определенные идеи и методы к собственному материалу, что и сделано с мастерством, свидетельствующим о научной зрелости. Глава 1. «Теоретические принципы описания системы пространственных моделей» как раз прекрасно отражает весь этот трудоемкий процесс. Отрадно было узнать о существовании сформировавшейся Новосибирской синтаксической школы, теоретического направления, в русле которого М.В.Дурова осуществляет свое исследование.

Здесь также следует отметить, что список использованной литературы, включающий 192 работы на русском, английском и японском языках, имеет самостоятельную ценность как готовая библиография по теме синтаксиса.

Такой же похвалы достоин языковой материал и принцип его отбора. Сплошная выборка из десяти оригинальных источников тех предложений, которые связаны с пространственным значением и использование ресурсов «Сбалансированного корпуса современного письменного японского языка» – вот те этапы анализа языковых фактов, которые называет сама автор. Хотелось бы уточнить присутствующую в диссертации логику исследования следующим образом: в результате анализа материала, собранного на первом этапе, выделяются и описываются при помощи формального языка пространственные модели. Они суть конструкты, абстрактные единицы сродни фонеме или морфеме. На втором этапе эти инварианты рассматриваются в виде вариантов их конкретной репрезентации в тексте.

Выделение моделей на множестве предложений, характеризующихся общей бытийной пропозицией, основывается на тщательном семантическом анализе предиката – глаголов бытия и движения, а также его актантов. Модели, представленные в виде формальной записи, в деталях отражают семантические характеристики и обнаруживаемые при этом различия. Об этом свидетельствует весь языковой материал. Наглядность и полнота сведений о моделях и их репрезентаций в полной мере отражены, например, в разделе 2.1.2.4 «Структурно-семантические варианты экзистенциальной модели» или в разделе 2.3.2.4 «Каузативная адлокативная модель движения». Формальный язык использован последовательно и позволяет судить об исследуемых синтаксических структурах в отвлечении от конкретного, японского языка. Это необходимое условие для сопоставления его с привлекаемыми языками народов Сибири. Выводы, основанные на сходстве синтаксической семантики рассматриваемых языков, существенно увеличивают материал, позволяющий говорить о типах бытийных предложений, и, что не менее важно, способствуют развитию данного направления в типологии, где, по-прежнему, сильны позиции морфологических критериев. Понятно, что принадлежность к одному языковому типу не может быть принята в качестве довода родства языков. Однако такие сведения могут подвигнуть исследователей на поиск в этих языках новых этимологий и рядов родственных корней, которые по концепции Н.А.Сыромятникова, служат дополнительным обоснованием генетического сходства.

Особо следует остановиться на вопросе о практической ценности работы. Семантические характеристики глаголов бытия и движение, особенности реализации их актантов, синтаксическая структура предложения в неразрывной связи с его содержанием и коммуникативной направленностью – все эти данные следует использовать в лексикографической работе, и, конечно, применительно к задачам современного обучения японскому языку. Теория моделей, описание при их помощи синтаксических структур, сопоставительная методика и выводы общего характера представляют собой готовые разделы теоретических курсов по общему и японскому языкознанию.

Проделанная М.В.Дуровой работа оставляет впечатление серьезного и вдумчивого исследования. В ней анализируется большой по объему языковой материал, применяются современные методы лингвистического исследования, изложение имеет достаточную объяснительную силу, поэтому сделанные выводы воспринимаются как обоснованные и достоверные.

Замечания дискуссионного характера и критика отдельных положений, которые считаю нужным высказать, связаны со сложностью такого объекта, как естественный язык, и возможностями описания разных видов значения.

Необходимость описывать язык-объект посредством того же языка, неизбежно приводит к смешению свойств языка-объекта и мета-языка. Синтаксис как раздел грамматики, в частности, выделяемые модели пространственно-бытийных предложений в японском языке, модели такого же типа предложений, выделенные в рассматриваемых урало-алтайских языках, по определению, принадлежат мета-языку, поэтому утверждения, типа «В японском языке *отсутствует* (здесь и дальше курсив наш –Е.С.) модель... (с.13)., «...категория числа как таковая в японском языке *отсутствует*... (с.90), «...японский язык *располагает* более многозначной транслокативной моделью... (с.171) и др. следует относить не к свойствам языков, а к имеющимся материалам, методам анализа или субъективным возможностям.

Современный метод моделирования, использование формального языка для записи моделей, очевидно, предполагают строгость изложения. Поэтому не понятно, почему автор смешивает в работе терминологию, выработанную новыми исследованиям в этой области (см. Теоретическую главу работы) с той, что была принята на заре создания грамматики японского языка, когда термины грамматики русского языка механически применялись для обозначения похожих отношений в японском языке. Это касается, например, важной для данного исследования словоизменительной категории падежа. Для типологии пропозиций эффективным является представление о «глубинных» семантических падежах: так в настоящей диссертации выделяется группы собственно локативных и не собственно локативных падежей (с вариантами «собственно пространственные» и «непространственные»). Для конкретизации падежных значений в пределах этих групп используется уже традиционная терминология – именительный, родительный и т.д.

Традиционные наименования мотивированы, как правило, общими значениями, не связанными с пространственными отношениями, поэтому в современных описаниях предполагают обязательное указание на значение; падежные же показатели следует описывать как омофоны: *de* – показатель местонахождения в бытийной модели и *de* – показатель средства/инструмента (ассоциации с творительным падежом). Категорическое неприятие вызывает сочетание «именительный рематический (*ga*) и тематический (*wa*) падежи... (с.63), так как супрасинтаксическая частица *wa* в силу своих свойств не может быть описана в системе падежных показателей, здесь уместно встретившееся только в приложении «форма номинатива». Выделение пространственных падежей в языках, с которыми проводится сравнение, приводит к появлению новых наименований: продольный и орудный для шорского языка, отложительный и продольный для эвенкийского и ненецкого и т.п., но их конкретное значение упоминается далеко не всегда. При сопоставительном анализе оформления локализатора употребляются сложные наименования, например, местно-творительный или дательно-направительный падежи, или, вдруг, «датив», «латив» (с.150). Все это нарушает строгость изложения, препятствует восприятию информации и снижает значимость выводов, которые следовало бы излагать в терминах семантических падежей.

Аналитические формы глагольного вида, в образовании которых участвуют бытийные глаголы *agu* и *igu*, именуются формами длительного вида (с.73, 108,

142), хотя для данного исследования релевантно их значение – бессубъектного результата и перфекта соответственно.

Вообще текст очень нагружен терминами или квазитерминами, поэтому их упорядочение представляется важным.

Актанты предложения периодически характеризуются через их принадлежность к части речи, но принцип категориальной отнесенности слов остается за рамками работы, хотя неоднократно приводятся сведения о неопределенности границ, например, класса наречий (по трудам В.М.Алпатова или С.Мартина). Считаю нужным прояснить здесь статус важной составляющей пространственной модели – слов со значением пространственной ориентации. В диссертации они называются «служебными именами пространственной ориентации/семантики» (с.37/48), «именами пространственной семантики» (показательно, что в именной некаузативной модели они выступают в роли субстантивного сказуемого с. 111-112), «полузнаменательными именами пространственной семантики» (с.173). Отсутствие единообразия говорит, очевидно, о том, что автор ощущает, но не считает важным выяснять в рамках настоящего исследования их природу. Между тем, в «Очерках потенциального синтаксиса японского языка» И.В.Вардуль обосновал целесообразность описания слов «типа *уэ*, *сита*» как знаменательных имен существительных. Ю.Д. Апресян в свое время, развивая идеи М.Бирвиша, проанализировал семантику слов с пространственным значением в условиях абсолютной и относительной ориентаций. А природа данных единиц замечательно выражена в диахронической универсалии, сформулированной В.В.Ивановым. Она говорит о развитии притяжательных конструкций с двумя существительными, одно из которых имеет ...пространственное значение, в конструкции с предлогом или послелогом.

Лингвисты пока не имеют в своем распоряжении мета-языка семантики, поэтому для описания значений, особенно при анализе иностранного языка используют информацию, присутствующую в переводных словарях. Это можно наблюдать и в диссертации. Так, как семантический признак рассматривается переводной эквивалент: например, глагол *tomaru* 'останавливаться' имеет омофон со значением 'садиться (о птице)' или «...предикативное прилагательное *sukunai* 'малочисленный', которое на русский язык обычно переводится наречием 'мало'» (с.93). Значению же названного прилагательного отвечает скорее 'быть в малом количестве'. С другой стороны, хотя перевод на русский язык иллюстрирующих примеров не является целью работы, в тех случаях, когда детально анализируются все виды значений, присутствующие в предложении, хотелось бы адекватного отражения их в переводе. Так, содержание яп. *sofa no sumikko ni o-satu ga ichimai ochite iru* «...на краешке дивана лежит купюра» функционально соответствует скорее переводу «в уголок дивана *завалилась* купюра» (курсив мой – Е.С.).

Конечно, в отсутствии семантического языка выделяемые и описываемые значения глаголов и актантов, значения падежей неизбежно будут в той или иной мере субъективны, особенно с учетом того, что в языке они взаимодействуют не линейно, не как простые слагаемые суммы, которая представляет содержание предложения. В этой связи сожалею, что М.В.Дуровой не пришлось познакомиться с исследованиями И.И.Басс, посвященными анализу японских глаголов движения, где последовательно применяется метод компонентного анализа, а также с ее монографией (2004) «Проблемы современного японского языкознания. Лингвистика текста»,

которая содержит, раздел, посвященный месту в предложении тех актантов и сирконстантов, которые связаны с глаголами движения (в диссертации с.130-132).

В будущих исследованиях в русле данной тематики имеет смысл оценить «вес» той или иной модели и, может быть, свести их к меньшему количеству, особенно тогда, когда они репрезентируются, судя по приводимым примерам, весьма ограниченным числом глаголов. Это относится, например, к «Каузативной модели помещения» – представлена в основном двумя глаголами *oku* и *ireru*, или «Каузативной модели удаления», интересной тем, что реализующиеся в ней основосложные глаголы содержат в качестве второго компонента глагол *dasu*.

...Однако малочисленность иллюстрирующих примеров не может быть основанием даже для проходных заключений о частотности употребления данной конструкции в языке (с.160).

Диссертация написана профессиональным научным языком. Хотя некоторая информация представляется избыточной (фонетика в трудах Е.Д. Поливанова. Н.А.Сыромятникова – см. список использованной литературы), в целом изложение последовательно и логично.

Подчеркну, что часть замечаний носит дискуссионный характер и вызвана сложностью предмета исследования. Диссертация представляет законченное научное исследование, внушительный список использованной литературы характеризует тщательность работы автора, прекрасно оформлены приложения, имеющие самостоятельную ценность. Опираясь на изучение диссертации, автореферата и опубликованных по теме диссертации работ, которые отражают ее основные положения, могу сказать, что диссертация соответствует требованиям ВАК, предъявляемым к кандидатским диссертациям. Это научно-квалификационная работа, выполненная под руководством главного научного сотрудника Сектора языков народов Сибири Института филологии Сибирского отделения РАН, доктора филологических наук, профессора Н.Б.Кошкаревой, содержит новое описание области синтаксиса японского языка, выводы о типах бытийно-пространственных предложений, детальный анализ структурной и содержательной стороны этих единиц, сопоставление их с бытийно-пространственными моделями, характерными для ряда урало-алтайских языков, она актуальна для решения задач типологии, а также синтаксиса и имеет существенное значение для лингвистики. М.В.Дурова заслуживает присуждения степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Официальный оппонент
старший научный сотрудник
кафедры японской филологии
Института стран Азии и Африки

Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова
кандидат филологических наук, доцент

Е.В.Стругова

